

M. Maiden, J.Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds). Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology. Oxford: Oxford university press, 2011. xix + 481 p. ISBN 978-0-19-958998-2

Рецензируемая книга представляет собой результат работы исследовательской группы, возглавляемой известным британским лингвистом Мартином Мейденом¹. В течение нескольких лет участники группы изучали глагольные парадигмы романских языков с точки зрения диахронии. Исследователи опирались на теорию морфом, предложенную Марком Ароновым и разработанную М. Мейденом.

Термин «морфома» был введен в книге Марка Аронова «Morphology by itself: Stems and inflectional classes» («Морфология сама по себе: основы и флективные классы»). Автор

¹ См. страницу группы в Интернете: <http://www.mod-langs.ox.ac.uk/romance-morphology/index.html>

отстаивал независимость морфологии от других уровней языка, в частности, рассматривая явления, которые ранее классифицировались как грамматическая омонимия. Так, латинская глагольная основа, называемая Ароновым «третья основа», служит для образования супина, причастия прошедшего времени и футурального причастия. Поскольку у каждой глагольной лексемы формы всех трех категорий имеют одинаковую основу, это совпадение нельзя назвать результатом фонетических процессов, ср. формы *laudatum, laudatus, laudaturus* глагола *laudo* 'хвалить'; *latum, latus, laturus* глагола *fero* 'нести'. Однако данные основы, как доказал Аронов, не обладают и теми семантическими и морфосинтаксическими компонентами, которые могли бы объяснить их формальную общность. Следовательно, заключает Аронов,

между морфосинтаксическим уровнем и уровнем фонетической репрезентации существует еще один уровень, который он предлагает называть «морфомным». Морфома, по Аронову, – это функция, которая соединяет данную клетку парадигмы данной лексемы с определенной фонетической формой. Таким образом, если в парадигме данной лексемы несколько форм обладают одинаковым формальным выражением, но их грамматические признаки невозможно свести к общему знаменателю, это означает, что они принадлежат к одной морфеме. На материале множества неродственных языков автор показал, что описание языка, игнорирующее автономный морфологический уровень, будет либо неполным, либо чрезмерно громоздким.

Многие авторы книги пользуются аппаратом так называемых инференциально-реализационных моделей морфологии, восходящих к «словесно-парадигматическим» теориям (Word and paradigm theory, см. [Matthews 1972], а также краткий обзор в [Плунгян 2011]). Такие модели, в частности теория парадигматических функций [Stump 2001], наиболее близки к морфомной теории Аронова. Инференциальными называют модели, которые отказываются от понятия морфемы как самостоятельно существующей значащей единицы; в рамках таких моделей принято считать, что в лексиконе хранятся только корни и основы, а применение определенных правил позволяет получить окончательные флексивные формы. В реализационных моделях основа сразу охарактеризована по всем грамматическим значениям, а не приобретает их по мере прибавления аффиксов. Парадигматическая функция соединяет клетку парадигмы с ее фонетической оболочкой с помощью реализационных правил (см. также [Аркадьев 2004]). В более поздних вариантах [Stump 2002] теория парадигматических функций постулирует два типа парадигм: синтаксический и морфологический. Клетки синтаксической парадигмы заполняет лексема с определенным набором морфосинтаксических функций; клетки морфологической парадигмы заполняет основа данной лексемы также с набором морфосинтаксических функций. Существуют определенные правила, устанавливающие соответствие между двумя типами парадигм, причем в некоторых случаях две (или более) клетки синтаксической парадигмы могут соответствовать одной клетке морфологической парадигмы (синкретизм, см. [Baerman et. al 2005; Аркадьев 2006]). Как видим, здесь, как и в теории Аронова, переход от морфосинтаксиса к фонетике пропускается через некий фильтр, на котором особая функция соединяет клетки парадигмы с их фонетической оболочкой.

М. Мейден в ряде работ развил морфомную теорию на материале глагольного словоизменения различных романских языков ([Maiden 1999; 2001; 2005] и др.). Мейден утверждает, что доказательство психологической реальности морфомы следует искать в диахронии. Если набор клеток с разными грамматическими функциями и с общим формальным выражением остается неизменным вопреки фонетическим процессам, это означает, что на морфомном уровне этим клеткам соответствует одна функция. В парадигмах романского глагола Мейден выделяет несколько наборов клеток, соответствующих этим требованиям. Изначально несколько различных фонетических процессов привели к тому, что основы некоторых клеток стали отличаться от остальной парадигмы. Поскольку распределение этих клеток было регулярным, оно было морфологизировано и превратилось в морфому. Таким образом, Мейден дополняет теорию Аронова двумя важными деталями: во-первых, он показывает, что морфомный уровень не статичен и что новая морфома может возникнуть вследствие определенных фонетических процессов; во-вторых, он подчеркивает, что противопоставление одного набора клеток другому отражает стремление говорящих к формальной усложненности выражения.

Хотя «Морфологическая автономность» и обладает формальными признаками монографии (разбиение на главы, общий список литературы в конце), ее скорее следует признать сборником статей: 19 глав книги написаны разными авторами (или группой авторов) и посвящены узкоспециальным вопросам. Несмотря на то, что характеристика концепции Аронова дается во введении, в главах, затрагивающих проблемы морфом, она каждый раз излагается заново. Кроме того, некоторые исследования опираются на другие теории, такие как теория парадигматических функций или теория оптимальности.

Книгу открывают полемические статьи Стивена Андерсона (Stephen Anderson) и Мартина Мейдена (Martin Maiden), посвященные особенностям спряжения презенса индикатива в одном из диалектов романшского языка. Характерной чертой этих спряжений является отличие основ 1pl и 2pl презенса индикатива от остальных основ парадигмы (ср. спряжение романшского глагола *deir* 'говорить': 1sg *dei*, 2sg *deist*, 3sg *dei*, 1pl *schagn*, 2pl *schez*, 3pl *deian*). М. Мейден считал, что клетки 1sg, 2sg, 3sg и 3pl презенса индикатива относятся к одной морфеме, которую предлагал называть N-моделью (N-pattern) [Maiden 2005]. С. Андерсон в главе «Обусловленная ударением алломорфия в сумиранском (романшском)»

(«Stress-conditioned allomorphy in Sumiran (Romantsch)», с. 13–35) предлагает особую интерпретацию подобного распределения форм для сумиранского диалекта романшского языка. Не отрицая, что для других романских языков морфомное объяснение может быть верным, он напоминает, что такое объяснение является неким «последним прибежищем» в том случае, если морфосинтаксические и фонетические факторы исключены. Для романшского спряжения, утверждает Андерсон, возможен фонетический анализ в рамках теории оптимальности. Предлагается считать, что обе основы презенса индикатива записаны в лексиконе, а их выбор зависит от двух ограничений: редуцированные гласные не могут быть ударными, а полные – безударными. Этот алгоритм хорошо описывает распределение почти всех основ презенса индикатива в романшском; отдельно отмечается, что речь идет именно о фонологическом процессе, так как правила распределения основ в отглагольных дериватах подчиняются тем же принципам. Тем не менее, существует несколько исключений, для объяснения которых приходится вводить дополнительные правила. Так, некоторые глаголы имеют только одну (безударную) основу, и в таких случаях они по умолчанию спрягаются с наращением *-esch-*.

В ответной статье, озаглавленной «Морфомы и “Обусловленная ударением алломорфия” в романшском» («Morphomes and ‘Stress-conditioned allomorphy’ in Romansh», с. 36–50), М. Мейден обращает внимание на то, что теоретические предпосылки его оппонента не совпадают с его собственными. По мнению Мейдена, если в нескольких близкородственных языках наблюдается некоторый феномен, не следует рассматривать его изолированно в каком-то одном языке, тем более, если в остальных языках он уже был подробно проанализирован. Кроме того, Мейден указывает, что теория Андерсона не дает ответа на вопрос, что обуславливает выбор той или иной основы в целом ряде случаев. Сам М. Мейден доказывает, что распределение основ в отглагольных дериватах является результатом уже не действующих фонетических процессов. Что касается аугмента *-esch-*, то он появляется только в одном спряжении, а значит, его необходимо отнести к морфологическим явлениям. Тем не менее, Мейден не отказывается полностью от фонетического анализа, предлагая считать, что и фонетические правила, и морфомное распределение играют свою роль при выборе той или иной основы.

Несколько глав книги вносят непосредственный вклад в дальнейшую разработку морфомной теории.

Глава Саши Гальи (Sacsha Gaglia) «Репрезентационные аспекты морфомных чередований гласных» («Representational aspects of morphomic vowel variation», с. 95–118) посвящена взаимодействию морфомного распределения и фонологических правил в итальянских диалектах. Автор выделяет три типа вокалических чередований в корне: метафонию, то есть изменение ударных гласных под влиянием последующих гласных; варьирование предударных гласных; гармонию гласных. Исследование Гальи показывает, что все эти явления в той или иной мере подверглись морфологизации. О том, что метафония «морфомизируется», говорят два факта. Во-первых, распределение корней с метафонией в глагольном спряжении соответствует распределению так называемой «комплементарной N-модели» – клеток, которые противопоставлены N-модели (то есть все клетки за вычетом 1sg–3sg и 3pl презенса индикатива). Во-вторых, повышение *o > u* в некоторых глаголах (*odo* ‘я слышу’, *udire* ‘слышать’) не является регулярным правилом в итальянском языке. О морфологизации варьирования предударных гласных говорит тот факт, что определенные корневые гласные приобретают грамматическое значение. Так, например, метафония *o > u* блокируется у существительных ж. р., потому что корневой /o/ ассоциируется с женским родом (ср. *vutsi’seddu* ‘голосок’ м. р. и *votsi’sedda* ‘голосок’ ж. р.). Следовательно, заключает Галья, и глагольные чередования должны анализироваться как морфологизированные, то есть морфомные.

Следует отметить, что Галья называет «морфологизацией» появление морфосинтаксических функций (различение грамматического рода) у фонетических чередований. Однако, как мы помним, морфомами называют регулярные чередования, которые не имеют ни фонетического объяснения, ни морфосинтаксических функций; таким образом, представляется неясным, почему Галья считает исследуемые вокалические чередования морфомными.

Пол О’Нил (Paul O’Neil) в главе «О понятии “морфома”» («The notion of the morphome», с. 70–94) рассматривает две проблемы. Во-первых, он задается вопросом, может ли существовать алломорфия внутри морфомы. Так, у некоторых португальских сильных глаголов в клетках так называемой морфомы РУТА² встречается две основы: одна для 3sg претерита (*fez, estev-*), а другая для всех остальных клеток (*fiz, estiv-*). Кроме того, такие глаголы обладают еще одной интересной особенностью.

² К модели РУТА относятся парадигмы претерита, имперфекта конъюнктива и футурума конъюнктива (см. [Maiden 1999]).

стью: вне зависимости от их спряжения, все они в парадигмах РУТА присоединяют тематическую гласную /ε/, не относящуюся ни к одному из трех португальских спряжений (с тематическими гласными /a/, /e/, /i/). Приведя схожий пример из каталанского спряжения, О'Нил заключает, что единственный способ объяснить подобное явление – признать, что морфема характеризуется не полной идентичностью форм, а противопоставлением одного набора клеток другому. Чтобы доказать, что морфема – это именно набор клеток, а не конкретные идентичные основы, он приводит в пример изменение тематических гласных морфемы РУТА в одном из диалектов астурийского. В первом спряжении астурийские диалекты демонстрируют /a/ во всех подпарадигмах. Тем не менее в тех вариантах, где /a/ в претерите перешло в /e/, эта тематическая гласная распространяется и на остальные парадигмы РУТА. Это убедительно показывает, что в сознании говорящих данные клетки парадигмы входят в один набор, даже если формально их основы не отличаются от остальной парадигмы.

В главе «Романский императив, нерегулярная морфология, синкретизм и морфема» («The Romance imperative, irregular morphology, syncretism and the morpheme», с. 119–134) Эндрю Сверинген (Andrew Swearingen) ставит вопрос о критерии «семантической несхожести», который необходим для того, чтобы набор клеток считался морфемой. Отметим, что, когда в контексте морфомной теории говорят о семантике, речь обычно идет о семантике грамматических категорий (очевидно, что у разных форм одной лексемы лексическая семантика одинакова); в том же значении могут употребляться термин «морфосинтаксическая функция». Клетки, относящиеся к разным морфемам, могут иметь и общие грамматические значения. Например, к N-модели относятся формы 1–3sg и 3pl презенса индикатива, то есть формы с одинаковым темпоральным и модальным значением. Однако теми же значениями обладают и формы 1–2pl, которым противопоставлены формы N-модели. Следовательно, если грамматическое значение х категории Р является общим для клеток, относящихся к морфеме и находящихся вне ее, оно нерелевантно. Теперь предположим, что нам необходимо определить, является ли некоторый набор клеток морфемой. Допустим, что эти клетки охарактеризованы по грамматическим категориям Р, Q, S, причем все эти категории релевантны. Чтобы набор был признан морфемой, должны ли значения всех категорий различаться у всех клеток, или возможно некоторое совпадение? Э. Сверинген приходит к выводу, что здесь

играет роль количество клеток, входящих в потенциальную морфому. Если их всего две, то они должны иметь различные значения в категориях Р и Q, а лучше – во всех трех категориях. Формы 2sg императива и 3sg презенса индикатива имеют различные значения в категориях «модальность» и «лицо», но общее значение в категории «число»; следовательно, грамматические различия достаточны для того, чтобы считать их одной морфемой. Если клеток больше, то нет необходимости, чтобы все клетки набора имели уникальное грамматическое значение. Например, формы 1–3sg N-модели имеют общее значение в категории «число» и разное значение в категории «лицо». Этого было бы недостаточно для выделения их в морфому, однако форма 3pl, также входящая в N-модель, отличается от всех остальных по категории «число»; это отличие мешает свести грамматические характеристики четырех клеток к общему знаменателю, что и необходимо для выделения морфемы.

Кроме того, Сверинген стремится определить, как морфомное распределение, которое обуславливает совпадение основ, взаимодействует с синкретизмом, то есть с полным совпадением форм. У многих форм 2sg императива и 3sg индикатива наблюдается синкретизм. Более того, известны случаи, когда изменение формы императива приводило к изменению всей N-модели. Так произошло в некоторых говорах Абруццо, где сочетание императива *da* 'дай' и местоименной клитики *la* привело к появлению новой формы императива *dalla* 'дай', которая впоследствии повлияла на формы презенса индикатива: *dalla* 'он дает' *della* 'ты даешь' и т. д. Тем не менее синкретизм 2sg императива и 3sg презенса индикатива часто оказывается менее устойчивым, чем единообразие N-модели. Сверинген обращает внимание на то, что императив выступает как словообразовательная основа (например, в композитах типа исп. *lavavajillas* 'посудомоечная машина', букв. 'мой-посуду'). Сравнив императив и 3sg презенса индикатива по частотности употребления, он делает вывод, что высокая частотность императива обеспечивает ему особый статус в парадигме и высокую автономность (см. [Bybee 1985]). Таким образом, императив, в силу своего особого статуса, может спорадически влиять на остальные формы, но о регулярном синкретизме или о включении его в N-модель говорить нельзя.

Глава Макса Вилера (Max Wheeler) «Об эволюции одной морфемы в каталанском спряжении» («The evolution of a morpheme in Catalan verb inflection», с. 183–209) посвящена возникновению явления, которое он называет «велярная морфема». Суть этого явления в

следующем: около сорока наиболее употребительных каталанских глаголов демонстрируют одинаковую основу (на велярный) в L-модели³, модели PYTA и в причастии. Тщательный

анализ старокаталанских документов, начиная с самых ранних памятников, показывает, как распространялась основа с велярным в L-модели и в модели PYTA.

L-модель		Модель PYTA		причастие
<i>puc</i>	<i>pugui</i>	<i>puguí</i>	<i>pugues</i>	<i>pogut</i>
<i>pots</i>	<i>puguís</i>	<i>pugueres</i>	<i>puguessis</i>	
<i>pot</i>	<i>pugui</i>	<i>pugue</i>	<i>pugue</i>	
<i>podem</i>	<i>podem</i>	<i>puguerem</i>	<i>puguerem</i>	
<i>podeu</i>	<i>podeu</i>	<i>puguereu</i>	<i>puguereu</i>	
<i>poden</i>	<i>puguin</i>	<i>pugueren</i>	<i>pugueren</i>	

Автор утверждает, что аналогическое распространение шло не от презенса к претериту, как обычно говорится в исторических грамматиках, а от претерита к презенсу, то есть от модели PYTA к L-модели. Несколько глаголов демонстрируют велярную основу не во всех клетках «велярной морфемы», что может вызвать сомнения в ее реальности. Однако, во-первых, эти глаголы являются наиболее частотными (например, *ser* 'быть', *haver* 'иметь', *saber* 'знать'), а значит, они устойчивы к изменениям. Во-вторых, в диалектах каталанского велярная основа распространяется на все необходимые клетки, ср. норм. *fos* и диал. *signés* 'чтобы он был', норм. *veíés* и диал. *vegués* 'чтобы он увидел'. В некоторых диалектах, напротив, распространение получает альтернативная основа: например, основа презенса конъюнктива *fas* 'чтобы я сделал' появляется в имперфекте конъюнктива: *fes* >> *facés*. По мнению Вилера, это доказывает, что морфема, включающая L-модель, модель PYTA и причастие существует независимо от велярного наращения.

На это, однако, можно возразить, что в действительности альтернативные основы появляются только в парадигмах конъюнктива. Ни одного примера, где альтернативная основа распространялась бы на все клетки «велярной морфемы», Вилер не приводит. Также следует отметить, что, по данным каталанских прескриптивных грамматик [Castellanos i Vila 1999], у самых употребительных глагольных лексем велярный стремится инкорпорироваться в корень (носителям не рекомендуется употреблять инфинитивы *sapiguer* 'знать' и *poguer* 'мочь'). Следовательно, аргумент об устойчивости самых употребительных форм нельзя признать убедительным. Если считать, что клетки, в которых появляется основа на велярный, относятся к одной морфеме, придется

признать, что в каталанском спряжении морфема не абстрактный набор клеток, а вполне конкретная основа, маркированная определенным образом.

Три главы книги посвящены изучению неканонических парадигм в рамках метода, разработанного Корбетом и Баерманом ([Baerman et al. 2005; Corbett 2007] и др.). Каноническими являются парадигмы с одно-однозначным соответствием между клетками и формами (в которых каждая клетка парадигмы заполнена одной и только одной формой, и каждая форма заполняет одну и только одну клетку). К отклонениям относятся такие явления, как разная структура форм (например, синтетические и перифрастические формы у одной лексемы), разная основа (алломорфия и супплетивизм) и одинаковые флексии (синкретизм).

Анна Торнтон (Anna Thornton) предлагает добавить еще один тип неканонического поведения парадигм. Ее исследование представлено в главе «Избыточность (несколько форм для одной клетки): неканоническое явление в итальянской глагольной морфологии» («Overabundance (Multiple forms realizing the same cell): A non-canonical phenomenon in Italian verb morphology», с. 358–381). Избыточность – свойство, противоположное дефектности парадигмы, оно присуще клеткам, которые заполняются более чем одной формой (Торнтон приводит примеры не только двух, но и трех и четырех способов заполнения некоторых клеток). В данной главе исследуется избыточность в итальянском спряжении. Внутри одного из типов неканонического, отклоняющегося строения парадигм автор стремится выявить канонические случаи отклонения – варианты заполнения клетки, выбор между которыми не был бы обусловлен никакими стилистическими, диалектными или семантическими факторами. Выделяется два класса факторов: экстралингвистические (диахроническое и территориальное варьирование) и собственно лингвистические (фонетические, синтаксические, семантические и прагматические). Если

³ К L-модели относятся клетки 1sg презенса индикатива и всей парадигмы презенса конъюнктива (см. [Maiden 2005]).

территориальные и диахронические варианты (например, *chiedo / chieggo* 'я прошу') обычно нельзя признать каноническими, то синтаксические, семантические и прагматические факторы, как показывает Торнтон, не оказывают влияния на появление того или иного варианта; поэтому дублиеты типа *perso / perduto* 'потерянный' являются каноническими. Особо Торнтон останавливается на морфологических факторах и взаимодействии избыточности и морфом. Исследование показывает, что вариативность чаще появляется именно в клетках, относящихся к какой-либо морфеме (например, варьируются формы с наращением *-isc-* и без него), причем если вариативность устраняется, то обычно парадигма не выравнивается, а сохраняет морфомное распределение.

В статье Марка Аронова и Чжена Чу «Реализационный подход к полному и частичному совпадению форм в рамках теории оптимальности» («A realization Optimality-Theoretic approach to full and partial identity of forms», с. 257–286) предлагается модель описания синкретических словоформ. Распределенная морфология предлагает для описания синкретизма механизм, называемый «обеднение-и-вставка» (*impoveryishment-plus-insertion*). В соответствии с этим механизмом, менее маркированная форма влияет на более маркированную; происходит удаление характеристики, свойственной более маркированной форме (обеднение), и добавление характеристики менее маркированной формы (вставка). Авторы статьи приводят несколько случаев синкретизма, которые не могут быть описаны таким образом. К примеру, двунаправленный синкретизм (*bidirectional syncretism*), описанный в работе [Baerman et al. 2005], представляет собой систему, в которой часть форм категории *x* имеет выражение, типичное для категории *y*, в то время как часть форм категории *y* имеет выражение, типичное для категории *x*. Например, для латинского склонения характерно различие в маркировании номинатива и аккузатива, причем у значительного количества существительных номинатив маркируется суффиксом *-us*, а аккузатив – суффиксом *-um*. Но существуют и примеры синкретического маркирования номинатива и аккузатива и с тем и с другим суффиксом: *bellum* 'война' ном. sg. / acc. sg., *vulgus* 'толпа' ном. sg. / acc. sg. М. Аронов и Чжен Чу утверждают, что для описания синкретизма больше подходят модели, в которых синкретичные формы одновременно получают одинаковое выражение. Все изложенные проблемы может решить предлагаемая авторами реализационная модель теории оптимальности. В этой модели ключевыми являются ограничения

на соответствие выходов словоформ (*output-to-output correspondence*), которые являются приоритетными по отношению к реализационным правилам. Ограничения этого типа задают соответствие новой формы базовой форме. Правила для порождения нужных синкретичных форм в латинском склонении ранжируются следующим образом: у существительных среднего рода выражение аккузатива и номинатива в единственном числе совпадает; у существительных типа VULG выражение номинатива и аккузатива в единственном числе совпадает; номинатив маркируется суффиксом *-us*; аккузатив маркируется суффиксом *-um*. Кроме того, между правилами соответствия выходов и реализационными правилами добавляется запрет на множественное выражение грамматического значения (*feature split*). Предложенный авторами механизм позволяет дать непротиворечивое описание синкретических латинских форм, а также некоторых других трудных случаев. Тем не менее Аронов и Чжен Чу не отрицают, что множество явлений требуют комбинированного фонетико-морфологического подхода, который еще нуждается в разработке.

Дадим краткую характеристику остальным главам книги. В главе «Акцентологические модели романских глагольных словоформ» («Accentual patterns in Romance verb forms», с. 51–69) Юдит Майншефер (Judith Meinschaefer) демонстрирует, что морфологические и фонетические факторы в равной степени влияют на организацию глагольных парадигм; Вито Пирелли (Vito Pirelli), Марчелло Ферро (Marcello Ferro) и Базилио Кальдероне (Basilio Calderone) представляют процесс изучения глагольных парадигм в смоделированной нейронной сети (глава «Изучение парадигм во времени и пространстве: вычислительное доказательство для романских языков», «Learning paradigms in time and space: Computational evidence from Romance languages», с. 135–157); в главе «Спряжения и сложные основы в испанских глаголах: свойства обобщения и эффект прайминга» («Conjugations and complex stems in Spanish verbs: Generalization properties and priming effects», с. 158–180) Рафаэль Линарес (Rafael Linares) приводит результаты психологических экспериментов, которые доказывают, что автономный уровень морфологии имеет психологическую реальность; в главе «Метафония в глаголах третьего спряжения на *u(C)* *C-ir* и *-o(C)C-ir*: данные современного галисийского и средневекового галисийско-португальского» («Metaphony in Portuguese 3rd class *-u(C)* *C-ir* and *-o(C)C-ir* verbs: Evidence from modern Galician and medieval Galician-Portuguese», с. 210–234) Марии Гольдбах (Maria Goldbach)

указывается, как литературная норма взаимодействует с «естественными» лингвистическими факторами; Ана Луиш (Ana Luíis) в главе «Морфомная структура и интеграция заимствованных глаголов: данные португальских креолов» («Morphomic structure and loan-verb integration: Evidence from Lusophone creoles», с. 235–254) приводит доказательства того, что автономные морфологические явления свойственны даже креольским языкам; Марк-Оливер Хинцелин (Marc-Olivier Hinzelin) демонстрирует, как связаны синкретизм и супплетивизм и какую роль в строении парадигм играют гибридные формы, составленные из двух супплетивных основ («Синкретизм и супплетивизм в галло-романских глагольных парадигмах», «Syncretism and suppletion in Gallo-Romance verb paradigms», с. 287–311); Джон Чарльз Смит (John Charles Smith) исследует выравнивание глагольных парадигм в канадском варианте французского языка и делает вывод, что они подчиняются ссылочному правилу (глава «Вариативный анализ глагольной флексии в канадском французском», «Variable analyses in (mainly) Canadian French», с. 311–326); в главе исследовательницы Чинции Русси (Cinzia Russi) «Клитики итальянских *verbi procomplementari*: что это такое?» («Clitics of Italian *verbi procomplementari*: What are they?», с. 382–400) рассматриваются итальянские «местоименные глаголы», в которых клитика, выраженная косвенным местоимением, превращается в флексию; глава Микеле Лопоркаро (Michele Loporcaro) «Синкретизм и нейтрализация в маркировании романского объектного согласования» («Syncretism and neutralization in the marking of Romance object agreement») посвящена различным типам объектного согласования у перифрастических глагольных форм.

Две заключительные главы посвящены перифразам и их связи с автономной морфологией. Кэтрин Тейлор (Catherine Taylor) в главе «Перифразы в романских языках» («Periphrasis in Romance», с. 401–416) анализирует перифразы с точки зрения теории парадигматических функций. Хотя традиционно перифразы относили к области ведения синтаксиса, в последнее время их предлагается рассматривать как морфологическое явление. Перифрастическая парадигма обладает теми же морфосинтаксическими свойствами, что и синтаксическая парадигма; однако проблема в том, что слова, составляющие перифразу, обладают своим набором грамматических характеристик, которые не совпадают с характеристиками самой перифразы. Модель абстрактных парадигм, созданная в рамках теории парадигматических функций, помогает описать перифразы как парадигматическое явление. На первом этапе формы, не имеющие грамматического и лексического значения, получают индекс-

сы, благодаря которым на втором этапе получается необходимая фонетическая реализация для данной клетки.

Найджел Винсент (Nigel Vincent) в главе «Нефинитные формы, перифразы и автономная морфология в латыни и романских языках» («Non-finite forms, periphrases and autonomous morphology in Latin and Romance», с. 417–435) пытается ответить на вопрос, можно ли считать, что перифрастические парадигмы полностью аналогичны синтетическим. Н. Винсент выделяет четыре стадии развития перифрастических конструкций: обычные синтаксические конструкции (лат. *est amans* 'он любит'), частично морфологизированные конструкции (лат. *amaturus est* 'он будет любим'), перифразы (фр. *il a aimé* 'он любил') и полностью морфологизированные перифразы (ит. *amerebbe* 'он любил бы' < *amare habuit*). Проанализировав латинские причастия прошедшего, настоящего и будущего времени, автор приходит к выводу, что перифразы являются особым инструментом, позволяющим достроить необходимые части парадигмы. Но, видимо, не существует систем, где все парадигмы являются перифрастическими. Для парадигм перифразы выступают дополнительным подспорьем, но не основным принципом построения, и поэтому, с точки зрения автора, их нельзя относить к явлениям автономной морфологии.

Как видим, рецензируемая книга очень разнообразна по материалу и методам, которыми пользуются авторы. Она, безусловно, не дает полного и цельного представления о феномене автономной морфологии – для этого лучше послужат классические работы Аронова и Мейдена, а также Баермана и Корбета. Однако это издание отражает все наиболее актуальные проблемы, занимающие сейчас морфологов, а материал, на котором выполнено большинство работ, наглядно демонстрирует, как много осталось нерешенных вопросов даже в описаниях таких хорошо изученных языков, как романские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2004 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] G.T. Stump. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001 // ВЯ. 2004. № 2.
- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. (Cambridge studies in linguistics. 109) Cambridge, 2005 // ВЯ. 2006. № 5.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2011.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology inter-

- face. A study of syncretism. Cambridge, 2005.
- Bybee 1985 – *J.L. Bybee*. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Castellanos i Vila 1999 – *J.A. Castellanos i Vila*. Quadern. Normativa bàsica de la llengua catalana. Barcelona, 1999.
- Corbett 2007 – *G.G. Corbett*. Canonical typology, suppletion, and possible words // *Language*. 2007. V. 83. № 1.
- Kiparsky 2000 – *P. Kiparsky*. Opacity and cyclicity. *The linguistic review*. 2000. V. 17.
- Maiden 1999 – *M. Maiden*. «Perfecto y tiempos afines». *History of an Ibero-Romance morpheme* // *Oxford working papers in linguistics, philology and phonetics*. 1999. № 4.
- Maiden 2001 – *M. Maiden*. Di nuovo sulle alternanze velari nel verbo italiano e spagnolo // *Cuadernos de filología italiana*. 2001. № 8.
- Maiden 2005 – *M. Maiden*. Morphological autonomy and diachrony // *Yearbook of morphology* 2004. Dordrecht, 2005.
- Matthews 1974 – *P. Matthews*. Morphology: An introduction to the theory of word structure. London; New York, 1984.
- Stump 2001 – *G.T. Stump*. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.
- Stump 2002 – *G.T. Stump*. Morphological and syntactic paradigms: Arguments for a theory of paradigm linkage. *Yearbook of morphology* 2001. Dordrecht, 2002.

В.С. Люсина

Сведения об авторе:

Валентина Сергеевна Люсина
Институт языкознания РАН,
krotcaja@gmail.com